

Соглашаясь съ мнѣніемъ „людей науки“ относительно догматической стороны христіанского ученія, Толстой опровергаетъ ихъ мнѣніе о нравственномъ ученіи христіанства, разъясняя, „что совершенство, указываемое христіанамъ, безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто“ ¹⁾; что „Христосъ даетъ свое ученіе имъ въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности“ ²⁾. Опровергая мнѣніе ученыхъ людей далѣе, Толстой подробно раскрываетъ ту мысль, что христіанство указываетъ людямъ не правила, не законы, а только идеалъ человѣческой жизни, и что „для ученія этого *нельзя и не можетъ быть обязательныхъ правилъ и законовъ*“; (тѣмъ не менѣе это не помѣшало Толстому снова отстаивать свое мнѣніе о пяти евангельскихъ заповѣдяхъ, исключая изъ числа ихъ заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ, и изъ каждого идеала, найденного имъ въ нагорной проповѣди, выводить точные и опредѣленныя правила).

Конечно, есть „люди науки“ (вѣрнѣе сказать: считающіе себя людьми науки), которые признаютъ христіанское ученіе отжившимъ или, какъ выражается Толстой, „сыгравшимъ свою роль“; но не всѣ ученые люди такъ думаютъ. Есть многіе истинно ученые люди, которые за христіанскимъ ученіемъ признаютъ вѣчное значеніе безусловной истины. Есть ученые, которые, признавая возвышенность нравственнаго ученія Христа, указываютъ на невозможность его полнаго осуществленія въ этой жизни; но то же самое утверждаетъ теперь и Толстой, думающій опровергать это же самое мнѣніе „людей науки“. Правда, десять лѣтъ тому назадъ онъ утверждалъ совершенно противное, говоря, что „Христосъ не могъ дать людямъ такого ученія, котораго нельзя было бы исполнить въ жизни“, десять лѣтъ тому назадъ онъ „вѣровалъ, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно“ и что „благо *его* (Толстого) возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять уч-

¹⁾ Стр. 139.

²⁾ Тамъ-же.